

Наталья Берязева
Лепестки души

Книга, которая лежит под подушкой у женщины

Наталья Берязева

Лепестки души

«Издательские решения»

2015

Берязева Н. А.

Лепестки души / Н. А. Берязева — «Издательские решения»,
2015

«Сказки для взрослых», честные истории о жизни, рассказанные от имени старого автобуса, плюшевого мишки, забытого пианино. Это продолжение Андерсеновской традиции, который был, говоря современным языком, основоположником бытового фэнтези. Так будет более точно назван тот жанр, в котором написаны эти истории – сказки. Рекомендуется читать по одной на ночь.

© Берязева Н. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

От автора	6
Уставший ангел	7
Об умной энциклопедии, глупом буклете и их счастливой любви	10
Веник, совок	13
Идеальная пара	15
Гномики и пятнашки	17
Домовенок Егорий	20
Папина сказка	24
Рубль	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лепестки души
Книга, которая лежит
под подушкой у женщины
Наталья Берязева

© Наталья Берязева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Я позволила сказкам быть. Я отпустила их на волю. Нина Грехова, моя любимая поэтесса, писала: «Я песню свою не неволю, когда она в сердце стучится». Я тоже перестала сопротивляться.

Чаще всего вечером, когда замолкает дом, когда даже вода из крана начинает капать медленно-медленно, приходит время сказок.

Все начинается с тихой-тихой музыки. Потом я начинаю различать голоса. Мое дело – лишь записать то, что я слышу.

А мир становится совсем другим.

У каждой вещи, у каждого предмета, растения появляется свой голос. Каждый просит записать его историю. Передать его опыт, его подсказки для жизни.

Мир вокруг нас, если слушать его, беречь его, заботиться – становится настоящим другом и помощником.

Когда грустно, он находит слова любви и поддержки. Когда не хватает внимания – дарит неожиданное цветение растений, которым в это время по законам природы положено спать. Или вдруг, как по волшебству, включается радиоприемник с любимой песней.

Сказки живут в каждом из нас. Я хочу лишь помочь и вам их выпустить на волю.

Наталья Берязева

Уставший ангел

Жил-был ангел. Было ему так много лет, что он уже сам сбился со счета. Но он по-прежнему был красив, а размаху его крыльев позавидовали бы даже орлы. Но отчего-то все чаще ангелу хотелось присесть и просто посмотреть на небо, звезды, на пролетающих мимо птиц, или разглядывать стрекозу или божью коровку, что нечаянно приземлились рядом. Сидел так ангел, смотрел, думал и почему-то печально вздыхал.

А знаете ли вы, что печалиться ангелам запрещено? Да, это так. Ведь ангелы – не люди и грустить им не положено.

– Что это со мной происходит? – думал ангел. – Почему я так устал? Почему меня не радует зелень, почему потускнели краски? Почему божья коровка мне кажется коричневой, хотя я знаю, что она ярко-оранжевая? Пойду спрошу Главного Белого Ангела, что мне делать, ведь моя печаль может нарушить мировую гармонию. А этого позволить нельзя.

Главный Ангел жил на горе Олимп. Раз в неделю он ходил на совет к Богу, чтобы доложить, что происходит на Земле, и как ангелы помогают людям, которые в них верят. Был он ровесником Бога, но ему казалось, что сотворение мира случилось вчера, и что ничего с того времени не изменилось. Он был уверен, что человек остался таким же наивным и непорочным, каким он был до искушения его змеем. Сам Главный Ангел уже много лет не спускался на Землю. Зачем? Ему было хорошо в любимом гамаке у голубого фонтана. По вечерам ангелы исправно ему докладывали, что все на Земле в порядке и идет своим чередом.

Появление ангела без предупреждения удивило Главного.

– Что случилось, слуга человеческий? – сразу же спросил он коллегу.

– Эх, – тяжело вздохнул ангел. – Да, я призван служить людям, но я устал. Я понял, откуда моя печаль. Я устал вытирать слезы, убирать острые камни с дороги, указывать путь, поддерживать, успокаивать, давать советы, гасить плохие эмоции, учить сдержанности и смирению, поднимать над суетой, а главное – я устал учить любить. Люди забывают слово любовь, забывают, что оно значит.

За столько лет, проведенных рядом с людьми, помогая им, я еще ни разу не услышал от них слов благодарности! Люди воспринимают это как должное! Иногда, когда они все-таки заходят в церковь, чтобы поставить свечку, а чаще всего чтобы пожаловаться и что-то вымолить у Бога, я всегда рядом. И ты знаешь, с каждым годом мне все трудней помогать людям. Ведь они просят у Бога не любви и не моей поддержки, а просят они дома, машины, деньги. Много денег. Зачем? Если нет любви, зачем деньги? За мою долгую жизнь у меня были любимчики среди людей. Я был с ними с детства, они выделялись среди сверстников знаниями, желанием изменить мир, сделать его лучше, но к двадцати пяти годам даже лучшие из землян становились такими, как все. Они делали карьеру и зарабатывали деньги. А те слова, что я нашептывал им в детстве – о красоте мира, о великом предназначении человека, о таланте, они забывали, как и свои детские мечты. И они тоже никогда не вспоминали меня добрым словом, хотя некоторым из них было дано видеть меня, и мы часто подолгу беседовали перед сном. Вот в чем причина моей грусти. Я хотел бы взять отпуск. Я знаю, что нам, ангелам, можно временно сложить крылья и поспать где-нибудь в укромной пещере, где всегда тишина и покой. А лет через 100 наука шагнет вперед, и, может быть, появится витамин любви, и я снова вернусь и смогу продолжить мою службу.

Пока уставший ангел говорил, казалось, что он уменьшается в размерах и как-то тускнеет.

«Оказывается, печаль имеет серый цвет, – подумал Главный Белый Ангел. – Если и дальше так пойдет, то мой ангел превратится в черного демона. Надо спасать!»

– Я понял, – ответил Главный Белый Ангел своему подчиненному. – Печаль твоя имеет основания. Я уже слышал от других ангелов, но не верил, что люди так изменились. Я дам тебе испытательный срок. Если в течение трех дней никто из землян тебя так и не поблагодарит за поддержку и помощь, я отпущу тебя на покой. Может, и правда добрые ангелы больше не нужны людям, а любовь и благодарность перестали существовать? Лети! Жду тебя через три дня!

Уставший ангел медленно кружился над землей. С высоты птичьего полета были видны тысячи черных труб, устремленных в небо, свалки на сотнях гектарах земли, грязные и замусоренные города, мертвые реки без рыбы.

– Надо вытерпеть еще три дня, надо вытерпеть еще три дня, – как заклинание твердил уставший ангел. – А потом я буду спать в тихой уютной пещере. Долго-долго...

Он опустился на балкон красивого старинного здания и заглянул в окно. В комнате сидела молодая женщина. Она горько плакала. Ангел заговорил с ней.

– Почему я плачу? – ответила женщина, заливаясь слезами. – Я беременна, а любимый бросил меня. Я думала, он меня любит, а оказалось, что нет. Ты видишь, комната пуста, он вывез все! Я так хотела этого ребенка! Но не смей меня уговаривать, я не могу его родить! Сейчас ты, как и он, обещаешь мне помощь, но потом ты улетишь, а я останусь здесь одна – без денег, без будущего и с малышом. Уходи, я ненавижу тебя! Добрых ангелов не бывает!

И женщина зарыдала еще сильнее. Ангел пытался гладить ее волосы, промокал своим крылом ее слезы, но женщина плакала все громче и громче. Ангел был бессилен. Тогда он с трудом поднял набухшие от чужих слез крылья и шагнул с балкона.

«Жаль, что мы не можем разбиться, как люди», – подумал он.

Очнулся ангел в чьем-то современном офисе. Перед ним сидел красивый молодой человек. Он, не мигая, смотрел в какие-то графики и говорил сам с собой.

– Нет, без акций моего друга мне не обойтись, они мне необходимы. Иначе я потеряю компанию. Надо сделать так, чтобы он был вынужден продать их по бросовой цене. Сначала нужно его припугнуть.

Ангел решил вмешаться в монолог.

– Как ты смеешь? Это же твой лучший друг! Помнишь, когда ты упал с дерева и сломал ногу, он нес тебя на себе до самого лагеря?

– Ой, ты бы еще вспомнил, как в детском саду он отдал мне свой компот, – зло произнес молодой человек. – Детство кончилось, это бизнес. Здесь нет дружбы. Выигрывает сильнейший. И чего ты тут развалился? Я не звал тебя! Лети к слабакам, мне помощники не нужны, а Богу за всеми не усмотреть. Я никого не боюсь!

Злой смех еще долго преследовал уставшего ангела. Ну почему так? Ведь именно этот мальчик был когда-то его любимчиком. Он так много читал, говорил на разных языках, был любознательным и милым. Надо было еще тогда удержать, образумить его, когда он в первый раз обидел свою старенькую бабушку.

«Плохой я ангел! Сколько всего недоглядел и упустил», – кручинился он.

Вечер опускался на город. Загорались окна, и за каждым была своя жизнь и свои печали. Ангел, ссутулившись, как старый человек, сидел на скамейке в парке. Он старался не слушать, как бранятся неподалеку он и она, как сердитая собака жалуется на жизнь прохожей дворняжке, как идущая мимо старушка вздыхает от одиночества и оттого, что боль в пояснице никак не проходит. Серый цвет почти полностью покрыл тело ангела. Печаль все больше и больше заполняла его душу.

Ангел проснулся от сырости. Роса лежала на траве, на скамье, на деревьях. Было холодно и красиво. Ангел залюбовался блестящими капельками росы. Выглянуло солнце, и они заискрились, засверкали. Как люди не видят эту красоту?

– Правда же, волшебное? Как в сказке? – спросила девочка, стоявшая рядом. Она была очень некрасивая. Нескладная и худая. И, кроме того, все лицо покрывала красная сыпь.

– Вам не холодно сидеть? Вы не простынете? – участливо спросила она. – Давайте лучше пойдем гулять, чтобы вы согрелись. Если, конечно, вам не противно.

– Почему мне должно быть противно? – удивился ангел.

– Ну, я же такая страшная. Никто не хочет играть со мной. Я даже учусь дома – все боятся заразиться. А это всего лишь аллергия. Я вырасту и все пройдет. Только не уходи, пожалуйста. Я устала быть одна. Давай я тебе почитаю.

И девочка начала читать ангелу сказку про волшебные страны, про добрую фею, что исполняет все желания, про то, что есть страна, где люди никогда не ругаются.

Незаметно прошел день. Ангел и девочка вместе гуляли, потом она спала, и он охранял ее сон, затем ангел проводил ее до дома.

– Ты будешь ждать меня завтра? – спросила девочка. – Мне так хорошо с тобой. Ты такой добрый и совсем не похож на злых взрослых. Так ты будешь меня ждать? Или ты со мной, как и мои родители, общаешься из жалости?

– Не волнуйся, я буду тебя ждать, – ласково ответил ангел.

И он остался в парке ждать девочку. И был с ней весь следующий день. На прощанье она прижалась к нему и прошептала: «Не улетай от меня, пожалуйста. Я люблю тебя. С тобой я не чувствую себя некрасивой и ненужной».

И ангел остался. Еще на день и еще на неделю, и еще на год. Он забыл про свою печаль.

Главный Белый Ангел снова успокоился. Все хорошо. Уставший ангел не вернулся. Все не так уж и плохо на Земле. И он снова задремал в гамаке у голубого фонтана.

А уставший ангел каждый вечер качает кроватку с маленькой феей. Ведь как еще можно назвать прекрасную малышку, что родила его знакомая некрасивая девочка? Только сегодня эта девочка уже большой-большой начальник, она умница и красавица. И даже ее муж, тоже большой начальник, ходит к ней за советом. Вечером они все вместе пьют чай с вареньем и обсуждают планы на следующий день. И ангела очень просят не улетать. В этом доме хотят иметь много детей и без его помощи им просто не обойтись.

А ночью, когда ангел делает вид, что засыпает, он слышит, как в спальню заходит его девочка. Сначала она целует свою малышку, потом тихо-тихо подходит к креслу, где любит дремать ангел, подтыкает вокруг него плед и, как маленького ребенка, целует в макушку, шепча: «Спасибо тебе, мой ангел. Что бы я без тебя делала!»

И ангел замирает от счастья, и в сладкой дреме думает: «Как хорошо, что мне были даны те три дня! Как хорошо».

Об умной энциклопедии, глупом буклете и их счастливой любви

Жила-была энциклопедия. Она была очень большая, толстая, с глянцевыми иллюстрациями и даже картами земного шара. Ее переплет из настоящей свиной кожи помнил сотни рук. Некоторые страницы были запачканы чернилами, некоторые завернуты уголком. Так читавший запоминал нужную страницу.

Шло время. И энциклопедия стала замечать, что ее все реже и реже снимают с полки.

– В чем дело? – думала она. – Ведь мной интересовались даже первые лица государства.

К сожалению, она лежала на верхней полке и не знала, что происходит в доме, где она жила. Постепенно ее кожаный переплет покрывался пылью, а рядом стали появляться какие-то разноцветные журналы с обнаженными девушками на первой странице да пестрые буклеты с картинками.

– Что происходит? – энциклопедия себя считала элитным изданием и никогда не заговаривала первой. Но новые соседи иногда так галдели, что она решила вмешаться в их разговор.

– Господа, простите меня великодушно. Вы не могли бы объяснить, что происходит, почему меня уже много лет никто не берет в руки?

Первыми затараторили глянцевые журналы.

– Ну, ты даешь, бабка! Кому ты сегодня нужна? На дворе XXI век, все сидят за компами да айпадами, мы и сами редко попадаем к людям в машины. Да и то потому, что пробки на дорогах, вот они нас и листают по пути. А тебя скоро отнесут в лавку, где скупают старье. Или в музей.

– Меня к букинистам?

– Куда-куда? – переспросили журналы. – Что такое твой букикист?

– А мы с вами уже на «ты»? – изумилась энциклопедия.

– Да что с тобой, старой перхотью, разговаривать!

И журналы снова затрещали о своем.

Тут подал голос дорогой буклет. Он рассказывал о здоровом образе жизни, правильном питании и считал себя очень умным и полезным.

– Простите, госпожа Энциклопедия... Как вас по батюшке?

– По родителям Кирилломифодьевна я.

– Энциклопедия Кирилломифодьевна, вы знаете, ваша подача информации уже устарела.

Ну, кто будет рыться в таком фолианте?

И буклет даже ярче заблестел, потому что гордился тем, что знает такое умное слово.

– У вас ни ярких картинок, ни броских заголовков, ни оригинальных шрифтов. То ли дело я! Берешь в руки – и сразу видно, что делать, что есть, как тренироваться. Все ярко, броско, креативно.

Здесь буклет опять загордился собой. Какой он умный!

Энциклопедия приуныла. Наверное, прав буклет, и она уже устарела и никому не нужна.

– А расскажи-ка мне о мире, в котором мы сейчас живем, что происходит, чем интересуются люди? – попросила энциклопедия.

Буклет знал не очень много. Но все, что было в нем написано, он пересказал энциклопедии.

Этого оказалось мало, ведь в нем были одни картинки, а информации совсем чуть-чуть.

Энциклопедия думала: «Зачем издавать такие дорогие буклеты, если ими можно пользоваться ровно пять минут?» Но она не стала огорчать глупый буклет. Он же такой молодой! Пусть пока верит, что кому-то нужен.

Проходили дни. Никто не брал в руки ни энциклопедию, ни буклет. Они лежали неподалеку, поэтому стали все чаще и чаще беседовать. Как? Буклету было больше нечего сказать, он все передал, когда они только познакомились. А энциклопедия, так как она хранила знания тысячелетий, начала рассказывать ему об устройстве мира. Она начала с рождения Земли, с мифов и сказаний, потом перешла к религиям, от религий к произведениям великих мудрецов. Буклет слушал, как зачарованный.

– Ничего себе, как огромен мир! Сколько всего, о чем я даже не предполагал. Я думал, что люди думают только о диетах и биологических добавках, продлевающих жизнь. Какой я был глупый!

Теперь буклет ждал вечера с нетерпением. Что нового расскажет ему энциклопедия? Днем говорить было невозможно. Глянцевые журналы трещали без умолку. И их становилось все больше и больше. Еще совсем чуть-чуть – и они выселят с полки энциклопедию и буклет.

А поздним вечером, когда в наступившей тишине было слышно, как скребется где-то заблудившаяся мышь, как тренькают последние и редкие трамваи за окном, наступало их время. Они говорили, говорили и не могли наговориться.

Буклет и энциклопедия так подружились, что давно были на «ты». Она его ласково звала «мой Буки», а он ее нежно «моя Энци». Они не замечали разницу в возрасте. Им было хорошо вместе. И жизни друг без друга они уже не представляли.

Буклет оказался смышленным. Если раньше рассказывала только энциклопедия, то теперь он перекладывал услышанное в рифмованные строчки. Это было так интересно! И если получалось особенно удачно, он с гордостью шептал: «Милая Энци, это мое творение я посвящаю тебе. Ты открыла мне мир. Благодаря тебе я понял, что такое любовь. И как радостно быть рядом с тем, кто тебя любит и понимает. Я творю для тебя».

Так шли день за днем. Буклет уже тоже потускнел и запылится. А энциклопедию заложили старыми книгами и журналами. Им все трудней было общаться по вечерам. Голоса их звучали глухо и тихо.

Однажды, буклет это хорошо помнит, пришли шумные люди. Они ходили по квартире, громко топали, хлопали дверями. Он слышал, что они говорили про какие-то квадратные метры, где надо сносить всю рухлядь.

А потом он почувствовал, как его, журналы, а потом и энциклопедию бросили на пол.

– Надо отвезти в гараж. Может, когда и пригодится, – услышал он чей-то голос.

Их стали завязывать какими-то липкими лентами, от которых буклет, зажатый между журналами, стал задыхаться.

Очнулся он в темноте. Пахло незнакомо и странно. Постепенно он заметил лучик, пробивающийся в потолок.

– Ау! – пытался заговорить буклет. – Где я?

И – о, чудо! Ему ответила милая Энци. Оказалось, что она лежит рядом. Ее просто бросили сверху на стопку с мусором.

Буклет пошевелил листиками. От падения лента порвалась, и он лежал свободно. Они были с Энци совсем рядом и даже могли прижаться друг к другу.

И время для них остановилось. Буки и Энци говорили и не могли наговориться. Конечно, Энци, как всегда, была умнее и образованнее Буки, но она никогда не показывала этого и не подчеркивала свое благородное и старинное происхождение. Если она была образованная дама, то Буки – весельчак, неунывайка и креативный парень. Энци выучила это новое слово и любила его применять по отношению к милому Буки.

Так они и старели вдвоем. И уже стали забывать, кому сколько лет. А зачем это знать, если твой любимый для тебя всегда такой, каким ты его запомнил в первую встречу.

Глянцевые журналы давно истлели, забытые в углу. А буклет и энциклопедия, старенькие и обветшавшие, продолжали жить друг для друга. Каждый не мог себе представить, как он уйдет, оставив другого без поддержки.

Вечером, если вы случайно будете проходить мимо старых гаражей, где когда-то ставили машины, и остановитесь у пятого по счету от главных ворот, то вы сможете расслышать тихий шорох страниц. Это Буки и Энци шепчутся друг с другом. Удивительно, но им до сих пор есть, что рассказать.

Я замираю у этого гаража. Я слушаю шорох и представляю затертые страницы энциклопедии и набухшие от сырости страницы буклета. Они счастливы.

И им нет дела, что я о них думаю и как они сейчас выглядят...

Веник, совок и зазнайка пылесос

Жили-были веник и совок. Ничем не примечательные. Веник был с базара по цене 100 рублей. Хозяйка обвязала его липкой лентой, чтобы он не рассыпался и не сорил. А совок был из черной пластмассы и стоил 30 рублей. Стояли они рядышком в углу туалетной комнаты за перегородкой.

У них было много свободного времени и они любили разговаривать друг с другом. Говорил больше веник. Он был собран из растения сорго и жил когда-то в Воронежской области. Он помнил лето, шумных воробьев, крикливых женщин, что собирали растения в поле. А потом плохо пахнущих мужиков, что плели веники. Однако веник любил рассказывать именно о лете. Как было тепло под солнцем, как хорошо после дождя. Как прилетали птицы и вили гнезда. Веник считал себя очень счастливым. А вот совку похвалиться было нечем. Его жизнь только начиналась. Поэтому он больше слушал и поддакивал.

Раз в неделю веник и совок выходили на работу. Веселая хозяйка окунала веник в тазик с водой и подметала свою большую квартиру. Она заглядывала с веником в самые потаенные углы и он, чувствуя свою ответственность, старался подметать как можно тщательнее. Для этого веник подбирал выбивающиеся стебельки и мягко пружинил, если нужно было попасть в труднодоступный угол. А потом наступала очередь совка. Он изгибал свою спину, и веник аккуратно заметал в него собранный мусор. У веника и совка это очень ловко получалось. Они были настоящими помощниками друг другу. Хозяйка радовалась, когда заканчивалась уборка. Аккуратно мыла веник и совок, благодарила их за работу и ставила на прежнее место.

А веник и совок еще долго обсуждали, как они вместе потрудились. Причем каждый старался похвалить другого, чтобы подчеркнуть, как он незаменим в доме. Они очень хорошо и с уважением относились друг к другу.

«Да, совок пластмассовый, а не натуральный, как я. Мне повезло больше, – думал веник. – Но он делает свою работу с удовольствием, значит, он так же нужен, как и я. Здорово, что у меня есть такой друг и помощник».

А совок думал: «Как мне повезло. У меня есть друг – веник. Он совсем не зазнается, хотя видел в жизни намного больше, чем я. Какой я счастливый!»

Однажды хозяйка вытащила веник и совок раньше, чем обычно. Она делала уборку раз в неделю, а тут отчего-то разбудила их.

Веник и совок оказались посреди большой комнаты, откуда всегда начиналась их работа. Но в этот раз они были не одни. Посредине гостиной стоял кто-то большой, ярко-красный и лупоглазый.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровались веник и совок. – Вы кто?

– Ах, вы меня не знаете? Экие деревенщины! Я – пылесос! У меня десятки функций. Я могу чистить, убирать, мыть окна, заботиться о мебели. Даже нежные шторы слушаются меня! Ваше время закончилось. Теперь я хозяин этой квартиры.

Да, в этот день хозяйка занималась только пылесосом. А он с гордостью гудел, поворачивался налево и направо, сверкал своими большими глазами и тянул хозяйку за собой. Веник и совок остались без работы.

Оказавшись в своем уголке, они загрустили.

– Эх, не удалось нам с тобой сегодня пройтись по любимым уголкам, не заглянули мы на балкон, не попроведовали цветы, что стоят на полу в спальне. Наверняка за горшком лежат опавшие листья, и пылесос их не заметил. Он же любит себя только собой. Ему такие мелочи вовсе не интересны, – делился своими мыслями веник.

Совок поддакивал: «Да, теперь нас с тобой выбросят. Или, если повезет, отвезут на дачу». И они тихонько вздыхали.

Но недолго они расстраивались. Через некоторое время за ними снова пришла хозяйка.

Она была очень мила с ними. Как и прежде, они заглядывали в каждый уголок, поздравались с цветами, пролезли в мойку под раковиной, совок даже выскреб пролитое варенье в кухне, отчего стал липким и сладким. Он пытался отряхнуться, но мусор еще больше прилипал к нему. Но совок не сердился. Он снова был нужен.

Как всегда, в конце уборки хозяйка тщательно вымыла их и сказала: «Спасибо, родные мои. Куда я без вас. Пылесоса хватило на несколько уборок, и он сломался. Слишком у него много функций, а значит, ничего толком и основательно он делать не умеет. Куплю самый простой для ковров, а остальное доверю вам. Вы мои настоящие помощники. Спасибо!»

Никогда еще веник и пылесос не были так счастливы. Их старания и умения оценила хозяйка, они ей нужны.

– Будем стараться еще больше, – решили друзья. – Нам так нравится видеть чистой квартиру, а хозяйку счастливой.

Так они и стали жить дальше, всячески угождая своей владелице.

Теперь рядом с ними живет пылесос. Да, тот самый. Он пылится в дальнем углу, и хозяйка почти им не пользуется.

– Пока разберешься да настроишь его, – ворчит она. – А он еще норовит то шторку засосать, то котенка утянуть. Одни проблемы. То ли дело веник и совок! Быстро и надежно. Не люблю я эту современную технику.

Пылесос больше не зазнается. Да, он покрыт яркой красной краской. Да, бока его блестят. Да, у него много скоростей и переключателей. Но если это никому не нужно, то и гордиться нечем.

И он вступает в разговор с веником и пылесосом, и если они разрешают, то он рассказывает им о большом заводе, где он родился, о людях, что думают о том, как сделать пылесосы все дороже и дороже, об испытаниях на скорость и много чего еще.

Веник и совок удивляются. Зачем так много всего изобретают, если можно делать что-то одно, но очень хорошо? И тогда ты будешь незаменим.

В Воронежской области растет сорго. Плантации его бесконечны. И тысячи веников уезжают каждый день на базар. Они пахнут летом, руками деревенских мужиков и свежей землей.

Меняется жизнь, меняется мир. Лишь веник из сорго по-прежнему живет в российских домах и в больших городских квартирах – как напоминание о постоянстве. Как это ни странно звучит, но эта утилитарная вещь так же постоянна и неизменна, как любовь, благодарность, забота, вера, терпение, поддержка. У каждого свой список. И свои значимые мелочи и вещи. Как для меня веник и совок, что живут за перегородкой туалетной комнаты.

Идеальная пара

Они были очень даже симпатичные, эти ботинки. Из натуральной кожи, с теплой вибрирующей стелькой, с мелкими дырочками по бокам и с надписью внутри, что они самые настоящие и принадлежат известной итальянской фирме. Это были осенние полуделовые ботинки – то есть в зависимости от того, в чем был хозяин, в костюме или в джинсах, они выполняли разную функцию. Хотя основная роль или, как сегодня говорят, миссия была всегда одна и та же – верно служить хозяину, этому молодому человеку, что вечно куда-то торопился.

Хозяин очень любил свои ботинки. Они были удобными в носке и совсем не чувствовались на ноге.

Однажды случилось вот что. Ботинки отправились на вечеринку в загородный дом. Там было много зелени, никакого асфальта, только мягкая трава под подошвами. Хорошо!

Ботинки гуляли, танцевали, даже один раз летали к небу – это хозяин пытался ходить на руках, потом остановились у большого стола. И вдруг ботинки замерли! Навстречу шли красные туфли на шпильках, с переливающимся бантиком сзади. Они были так восхитительны, что ботинки на них залюбовались и споткнулись о ножку стула. От такой неожиданности шнурки развязались и незаметно соскользнули на землю. А незнакомки уходили. Ботинки поспешили следом, но запутались в шнурках. И! Ох, об этом даже не хочется вспоминать!

Потом они видели еще много раз, как красавицы-шпильки дефилировали мимо. Они всячески демонстрировали, что ботинки не достойны близкого с ними знакомства. Так опозориться перед всеми!

Дома ботинки забились в дальний угол и не хотели показываться на свет. Ну и что, что они дорогие и из натуральной кожи? Ну и что, что у них мягкая удобная стелька? Они не выполнили свое предназначение – не удержали хозяина в такой ответственный момент. А значит, они не достойны выхода в свет.

Иногда хозяин доставал их из дальнего угла. Чего, мол, прячетесь? И выходил гулять. Но ботинки уже были так напуганы, что может случиться что-то непоправимое, что боялись каждой лужи, каждой льдинки на дороге. Они стали неуклюжими и неповоротливыми. А главное, увидев даже вдалеке красную обувь, они тут же развязывались.

– Да что это со мной? Вроде я покупал такие удобные ботинки, а сейчас мне так в них некомфортно, – сетовал хозяин, в очередной раз завязывая шнурки.

От этих слов ботинки еще больше сжимались и кожа, из которой они были сделаны, в страхе съеживалась.

– Все, пришла наша смерть, – решили ботинки. – Надо честно в этом признаться хозяину. Мы достойны только мусорного бака.

– Ну что ж, придется расставаться с лишней одеждой и обувью, – решил хозяин. – Скоро зима, необходимо старые отнести в кладовку, а зимние вещи занести в гардеробную.

И он начал сортировать куртки, пальто, шапки, шарфы. Дошла очередь и до обуви.

– Ну что же мне с вами делать, – рассуждал хозяин, глядя на потускневшие от страха ботинки. – Вроде не старые, а какие-то неудобные стали. Да и в них я в прошлый раз так позорно поскользнулся перед Лизой на вечеринке. Ну ладно, схожу сегодня в последний раз к ребятам на автостанцию, а там решу.

На улице было немного слякотно, но еще не холодно. Ботинки вдыхали свежий воздух и радовались прогулке. На автостанции они увидели много знакомых, когда-то они вместе стояли в магазине итальянской обуви. Среди старых приятелей были замечены женские замшевые ботильоны – серые, на невысоком каблуке и с романтической рюшей вместо застежки. Они были совсем неподалеку, а через некоторое время оказались рядом. Ботинки, боясь, что от волнения снова развяжутся шнурки, не начинали разговор. Выручили ботильоны.

– Простите, вы не боитесь простудиться в такую сырую погоду? Я немножко боюсь, – призналась соседка.

Ботинки не стали врать. Да, они тоже боялись промокнуть и простудиться, ведь от этого так портится кожа. А значит, они снова доставят хозяину неприятность, хотя они больше не желают причинять ему неудобства. И неожиданно ботинки рассказали ботильонам, как на вечеринке они уронили хозяина, и как потом все пошло наперекосяк.

И свершилось чудо! Ботильоны не стали высмеивать неудачников, а наоборот, всячески поддержали ботинки.

– Ведь не все зависит от нас. Может быть, кто-то пролил там что-то липкое или просто было скользко.

На радость ботинкам, с ботильонами им было по пути. Потом они стали часто гулять вместе. И, наконец, однажды оказались вместе в гардеробной хозяина, где и поселились рядом. От ботильонов ботинки узнали, что они очень симпатичные и надежные, что им можно доверять в любую погоду и что они идеальная пара.

А ботинки считали идеальной парой ботильоны. Ведь они были такие мягкие, теплые, без вызывающей яркости и очень удобные.

Так и живут они вместе в гардеробной у вечно спешащего молодого человека. Хотя он тоже стал меньше торопиться. Теперь дома его ждет жена, вкусный ужин, порядок и уют. Зачем куда-то бежать? Ведь все проверяется временем. Вот он хотел выбросить ботинки, которые одно время не хотели ему служить, и что?

«Хорошо, что я их тогда не выбросил, – думает молодой человек. – Теперь они разносились и стали еще удобней. Ведь если бы не та загородная вечеринка и не мое внезапное падение, то женился бы я на этой гламурной Лизе. В общем, хорошо, что грохнулся!»

И хозяин идет в гардеробную, берет крем и щетку и натирает до блеска ботинки, что стоят в углу. И тихо шепчет на прощание: «Спасибо. Спасибо, что спасли!»

Гномики и пятнашки

Они жили за печкой в старом доме. Иногда было очень холодно, дом не мог согреться, жаловался на старую печку, что совсем перестала топить, кряхтел и скрипел. Гномики и пятнашки прятались в щель за трубой и слушали бесконечный спор дома с печкой.

Гномики и пятнашки поселились в этом доме давно. Сами они родились в космосе на планете Сириус. А однажды прилетели, чтобы просто понять, кто живет в галактике рядом. И остались.

Дело было так. Когда они в первый раз опустились на землю, они попали в этот дом. Тогда еще новый и молодой. Они услышали песню, которую пела женщина у маленькой колыбельки. Мелодия была такая нежная и ласковая, что гномики и пятнашки заслушались. Голос женщины, которая пела, был уставший и потому особенно проникновенный. Тогда они еще не понимали слов, но мотив был такой тягучий, что хотелось раскачиваться в такт, кивать головой или хвостиком, если есть. У пятнашек, в отличие от гномиков, не было головы, а вот хвостик-кисточка был.

Но кто такие эти пятнашки? Это такие кругленькие, крохотные, мохнатые существа с мягкой шерсткой, а гномики очень похожи на тех, что рисуют в сказках, только тоже маленькие и совсем без бороды. Это очень симпатичные существа. Очень разумные и добрые.

И вот они попали в этот дом. Женщина пела. Она очень устала. Глаза ее закрывались. И в какой-то момент она заснула. Гномики и пятнашки стали заглядывать в колыбельку, чтобы рассмотреть, кому она поет свои волшебные песни. Там лежали мальчик и девочка. Они сладко спали. Космические гости никогда не видели земных малышей. Они залюбовались ими. Дети были очень славные. Похожие на ангелов, что жили на соседней планете, но только без привычных крыльев.

Гномики и пятнашки присели на край колыбельки и стали наблюдать за детьми. Когда те заворочались и начали попискивать, добрые пришельцы из космоса прыгнули к ним на одеяло и начали рассказывать свои сказки, которые любили на их планете. Малышам это очень понравилось, они агукали и всплескивали ручками от радости.

Гномики и пятнашки так заигрались с детьми, что не заметили, что женщина проснулась и следит за их общением с малышами. Потом она протянула руку и сказала: «Удивительные существа, можно с вами познакомиться, вы так хорошо ладите с детьми, я хочу вас поблагодарить. Вы дали мне поспать. Вчера у деток болели животики, менялась погода, и я совсем не выпалась. А вы такие славные, вы так хорошо с ними играете». Она протянула руку, чтобы погладить крошек.

Пятнашки с благодарностью прыгнули на ее ладонь.

– Ой, какие вы мягкие и шелковистые, – сказала она пятнашкам. – Теперь я понимаю, почему дети с таким удовольствием держат вас на руках. А вы, – она обратилась к гномикам, – очень милые. У вас такие ласковые улыбки. Вы просто чудо! Таких, как вы, я видела только в мультфильмах. Симпатичные и сказочные. Но вы лучше, вы – живые. Вы останетесь с нами?

Гномики и пятнашки согласились. С того дня они подружились. Женщину звали Таней, она была бабушкой Вани и Марьяны, что сопели в колыбельке.

Только бабе Тане они рассказывали свои космические сказки, только ей разрешали смотреть на них и прикасаться. Они часто садились к ней на коленки, и она пела им свои волшебные песни.

Подрастали Марьяна и Ваня. Бабушка много рассказывала им о гномиках и пятнашках.

Дети очень любили ее сказки о космических друзьях. Они знали, что они живут на печке за трубой, но им нельзя показываться, поэтому писали им письма, делились дорогими конфетами, которые мама привозила им из заморских командировок, откладывали для них малень-

кие красивые вещи или игрушки, чтобы гномики и пятнашки могли порадоваться вместе с ними.

Бабушка очень хорошо описала, как выглядят гномики и пятнашки, и дети часто их рисовали.

Шло время. Ваня и Марьяна выросли. Бабу Таню перевезли в городскую квартиру. Она стала старенькая и больше не могла топить печь.

– А там, – как сказала она, – центральное отопление. Будет тепло всегда.

Гномики и пятнашки тоже доживают свой век. Они не захотели переезжать в новый дом. Бабушка стала совсем старенькая, плохо видит и не помнит, что внуки уже выросли. Она по-прежнему разговаривает с ними, но только совсем не поет песни.

Только раз в год гномики и пятнашки общаются с Дедом Морозом. Он тоже с их планеты, они хорошо знакомы, поэтому они ждут его целых 12 месяцев, чтобы просто поговорить.

– Мир изменился, – ворчит Дед Мороз, обращаясь к своим друзьям. – Родители не верят в сказки. Не верят в меня, не признают чудеса. И это внушают детям. Зачем? Вот и вы сидите за печкой – вместо того чтобы качать очередного малыша. Да, вы любили Ваню с Марьяной, но они выросли. И они про вас уже не помнят. Эх, пойду, понесу подарки. Никто уже не просит конфет. Только сотовые телефоны, деньги да модельки дорогущих машин. Зайду к бабе Тане. Она единственный человек, кто ждет меня просто так, без подарков, только потому, что она до сих пор верит в сказки.

И гномики и пятнашки машут ему вслед так долго, пока Дед Мороз не скроется из глаз. А потом снова лезут поближе к теплой трубе, чтобы вспоминать, как в первый раз они увидели земных детей, которых не могут забыть до сих пор.

А директор очень успешной фирмы Наталья Генриховна перебирает вещи в старом кабинете. Пора переезжать в более просторный и светлый. В одном из ящиков в самом дальнем углу лежат два забытых спичечных коробка, обернутых блестящей бумагой. Сверху написано: «ПАСЫЛКА ДЛЯ ГНОМИКОВ И ПЯТАНШИК».

Она надрывает фольгу. В тесной коробочке лежит надкусанная часть дорогой конфеты, любимая детская заколка ее дочери, маленькая игрушка-кенгуру, цветная ленточка и золотое конфетти. В другой коробочке крохотная моделька машины, красивая блестящая пуговица, ломтик шоколада и воздушный шарик. И тут же записка: «НИ УЛИТАЙТЕ, МЫ ВАС ЛЮБИМ!»

– Господи! Когда это было? – вздыхает женщина. – Ведь мама мне их передала, чтобы я их отправила на планету Сириус. Туда, где живут гномики и пятнашки. Мама всегда была ненормальная. Сколько лет они уже пролежали? Если Марьяне с Ваней 29—30, то почти 25 лет. Целая жизнь!

И Наталья Генриховна, женщина в дорогом костюме и очках в золотой оправе, начинает плакать. Она рыдает и не может остановиться.

– Да, жизнь прошла. Все бегом, бегом. Дети выросли, а я так ни разу и не выслушала сказку про гномиков и пятнашек, которые якобы жили в нашем старом доме за трубой. Все отмахивалась от мамы. Да и от детей тоже, считая это глупостью и выдумкой. А теперь мама болеет и тоскует по старому дому. И эти посылки? Почему я их никуда не отправила? Почему они здесь лежат? Что я не додала детям?

Перед Новым годом пятнашки и гномики снова увидели всех своих любимцев. В старый дом на улице Гагарина приехали все: Марьяна с Ваней, которых трудно было узнать в красивых и серьезных молодых людях, Наталья Генриховна в дорогой шубе и бабушка Таня, старенькая и высохшая, как осенний цветок.

Когда они все вместе зашли на кухню, гномики и пятнашки забыли, что им нельзя показываться на люди. Они спрыгнули с печки, забились к бабе Тане под шаль, некоторые пробрались под теплую жилетку и прижались к ней своими маленькими тельцами. Они гладили ее,

целовали, пели ей ее старые песни. Теперь она была для них ребенком, тем первым человеком, которого они встретили и полюбили на земле. Ваня с Марьяной тоже гладили гномиков и пятнашек и радовались встрече, как маленькие.

Удивленная и всегда строгая Наталья Генриховна смотрела на все происходящее и повторяла: «Надо же, а вы и вправду существуете! Ну надо же!»

Домовенок Егорий

Рассказ мамы

Странная штука жизнь! Вроде вчера была молодая. Строили дом. Пели песни. И НИКОГДА не уставала. Все было в радость: хоть печку топить, хоть снег кидать. А его ой как много падало в Сибири.

Все было легко, весело. Казалось, что жизнь будет бесконечной.

В первый раз прихватило сердце, когда было за пятьдесят.

Тук-тук. Молчание.

Тук-тук. Слишком длинная пауза.

И не хватает дыхания. Чернота подступает. И кажется, что кто-то душит.

А потом снова тук-тук. Пауза. Тук-тук. Пауза.

Отлежалась. Встала. Не стала говорить, как испугалась той черноты, что нечаянно навалилась на нее.

Снова стала мыть, стирать, убирать, чистить, варить, таскать, перекладывать, носить, белить, красить.

И снова песни, как ни в чем не бывало.

А сердцу говорила: «Ну, что ты? Потерпи. Войны давно нет. И времена не хуже, а лучше, чем раньше. Молчи, не выдавай меня»

И сердце крепилось. Оно сжималось, когда хозяйка несла носилки с углем, когда она тащила бревна, помогая соседям строиться, когда, задыхаясь, бежала в трехдойку, на час отпросившись с работы. Чтобы подоить корову, что отелилась белоснежным бычком.

Вечером любили петь. Но это уже после. Это когда она вышла на пенсию. Шла к соседкам. Удивлялась, что появилось свободное время. Каждый выносил, у кого что было. Кто картошку, кто какую зелень. Выпивали по рюмочке. И пели.

«Вот кто-то с горочки спустился».

«Виновата ли я, что люблю?»

«Мисяц на нибе».

И, конечно, «Ой, мороз-мороз!»

Ну как без этой песни в Сибири?

А потом не стало хватать сил. Не только чтобы снег откинуть, а даже затопить печь.

Дети продали дом и переселили ее в квартиру.

Тепло. Уютно. Туалет под боком.

А душа тоскует. Да и родной домовенок, что так оберегал, любил, остался там, на Гагарина.

И не смейтесь даже.

Здесь баба Таня даже рассердится.

– Вам-то откуда, молодым, знать? Как будил он меня по утрам? Как не позволял про-спать? Садился на грудь, лохматенький такой шарик, и звенел будильником.

Она его много раз сама видела. Благодарила. Ведь он всегда выручал. Дом-то сами строили. А домовенок еще с бабой Лушой, ее свекровкой, из деревни переехал. Ведь на деревенском срубе дом на Клюквенной, потом уж Гагарина назвали, стоял.

Ах, домовенок! Лохматый, добрый. Сколько раз он ее гладил по щеке?

Утешал, когда обижали свекровка или муж. Всегда был рядом, если нужно. А если плохой сон, то шептал: «Я рядом, не беспокойся».

Понимали они друг друга.

И вот новая квартира. Чужая. Говорят, пьяница жил.

Сын все стены ободрал, ремонт сделал. А плохо, не к душе. Ну, все не по бабе Тане. Цветы посадит – гибнут. А на Гагарина – все подоконники в цветах были.

Не любит квартиру баба Таня. Тоскует по дому на Гагарина. Песни не поются. Пусто и одиноко.

Саша, муж, заболел. Почти 60 лет вместе. По-разному. Но вместе. Не понятно бабе Тане, как сегодня из-за пустяков разводятся. У них тоже всякое было. А уважение осталось.

Болеет Саша. Уже вставать не может. Забыла про давление, про больное сердце. Таскает на себе. Моет его, переворачивает. Лишь бы жил. Одна мысль.

Упал ночью. С кровати. Опять война снилась. Опять бежал, защищал, кричал. Не смогла поднять. Тяжелый. Он почти 180 ростом, а она 160 см. Сидит, ревет.

Набрать – позвонить не может. Давно слепая. Ведь за 80 давно.

Как справилась, как уложила, не помнит сейчас.

Но после этого спать перестала.

– Ослабла, – говорит.

– Вот тут и нечисть полезла. Квартира-то чужая. Я без сил. Саша болеет.

– Только задремлю, а тут раз, вода сверху!

– Схвачусь, бегу. Ну, как бегу. Шарком-шарком. Все потрогаю. Нет воды. Потом кажется, что крысы побежали, потом голоса.

– Ох, измучили.

– Стук, шорох, писк, звонки целую ночь.

– Саша болеет, и я спать не могу. Жуткое время.

– Сыну говорю, что нечисть завелась, смеется: «Мама, ты просто устала!»

– Вся я извелась.

Похоронили Сашу. Вот тут-то началось...

– Телевизор этих полтергестов, или как там, показывает.

– Ну, ты поняла.

– У меня стало хуже. Как три часа, так телефон звонит, вода льется, собаки гавкают. И бесконечно какие-то люди в квартире.

– Просто схожу с ума.

Баба Таня плачет.

– Сумасшедшей меня считаешь?

– Позвали батюшку. Ходил долго, читал молитвы, – продолжает баба Таня.

Баба Таня – это моя мама.

– Два дня была тишина. Потом крики ночью: «Что, избавиться хотела? Не получится! Нас тут много! А ты совсем без защиты!»

Я сижу перед мамой. Ей 87 лет. Она в полном уме. Да, она слепая. Но она приспособилась, как она говорит, и сама справляется со своим небольшим хозяйством. У нее весь день по порядку. Она молодец. Все хорошо. Только нечисть не дает покоя.

Слушаю маму. Мы разные. И по-разному видим мир. Я над ней не смеюсь. Я ее понимаю. Я ведь тоже пишу сказки, которые берутся неизвестно откуда.

Мама плачет по домовенку. Там был защитник. Там – это на улице Гагарина. А тут она – одна.

Я все понимаю. Я иду на улицу Гагарина. В дом номер 13. Там давно новые хозяева. Я объясняю, что я на минуточку, и вообще я тут родилась.

Я не узнаю дом детства. Это чужой дом. Я подхожу к печке и говорю: «Домовенок, если ты слышишь меня, мама очень тоскует, ты ее помнишь, хозяйку этого дома. Если ты жив, прыгай ко мне в сумку, я тебя отнесу. Мама очень старенькая. Она сильно просила. Ей плохо без твоей защиты и любви. Пойдем».

Я открываю сумку. Новые хозяева смотрят на меня как на полную идиотку.

Ну и пусть. Я это делаю для мамы.

Я слышу легкий шорох. Может, это мне показалось. Но я закрываю сумку, несмотря на странные взгляды, кланяюсь дому, говорю ему «спасибо» и ухожу.

Ах, улица Гагарина! Хочется заплакать, постоять. Но у меня сумка. Мама ждет. Это важнее.

Мама сидит на балконе.

– Мамуля, я принесла. Нашего домовенка!

– Правда?

– Правда!

– Сейчас буду отпускать!

Я открываю сумку.

Мама смотрит и плачет: «Ты вернулся. Ты вернулся».

Я ничего не вижу. А она кого-то гладит и плачет.

В этот вечер мама уснула спокойно.

Я, отвыкшая от узкого дивана, ворочалась. Показалось, что пискнула кошка, потом послышались шаги.

– Ну, вот и у меня крыша поехала, – подумала я.

Потом услышала: «Меня зовут Егорий. Скажи маме мое имя. А тебе спасибо. Теперь я ее в обиду не дам. Распустили тут нечисть!»

Утром я сделала маме оберег. Волшебную пуговицу. Яркую, красную. Я ее нашла в старой копилке, подвязала на ниточку и положила под подушку. А еще сплела из старых ниток фенечку.

– Тс! Для мамы это тоже не фенечка, а оберег от нечистой силы. Взяла тоже красный и зеленый цвета.

Красный – это сила и энергия. А зеленый – жизнь и обновление.

Утром.

– Мамуля. Вот тебе оберег.

– А я уже больше не боюсь. Мой домовенок рядом. Любит меня. Это он. Я его узнала.

Мама гладила кого-то.

Увы, я не вижу, кого она гладит.

– Мама, его зовут Егорий. Он сам мне ночью сказал. Теперь ты можешь его позвать, когда вдруг испугаешься. И не забывай ему ставить молочко на кухне.

– Конечно. Конечно, – закивала головой мама. – Я сохранила его плошечку еще из дома на Гагарина.

– Пойдем, Егорий. Прости, что так долго тебе пришлось ждать. Прости.

И мама опять кого-то гладит. А я слышу только сладкое мурлыканье. Как будто в доме завелся ласковый котенок.

– Ага, это Егорий, – думаю я.

Нет, я его не вижу. Видит его только мама. Но по тому, как она успокоилась, как все время подкладывает подушку, предварительно сделав ее ровной, я понимаю, что она нашла себе защиту и поддержку. Она все время улыбается.

В первый раз после смерти папы я засыпаю спокойно.

Домовенок, наш Егорий, вернулся. Он дома. Вместе с мамой.

Ночью я просыпаюсь и подхожу к маме. Она спокойно спит. При этом ее правая рука, что лежит на подушке, кого-то обнимает.

Я не знаю, кого. Может – это домовенок. А может, она вспомнила папу? Но она ровно дышит, лицо расправилось от морщин, и я счастлива.

Я тихонько иду к моему дивану и шепчу: «Егорий, спасибо тебе! Как здорово, что ты вернулся. Как здорово!»

И тоже засыпаю счастливая...

Папина сказка про гвоздик

Мой папа – фронтовик. После войны, которая для него закончилась только в 1950 году, он вернулся в деревню Кармышак, а потом переехал в Барабинск. Здесь он и встретил мою маму. Я была третьим и поздним ребенком. Подскрёбышем, как говорили родители. Папа меня очень любил. Одна дочь. Впереди меня два пацана. А я поздняя и такая желанная.

Папа работал в столярном цехе, он делал все, что требуется для строительства и кроме этого мебель на заказ. Он очень уставал. А дома еще хозяйство, огород. Все требует участия и мужской руки. Я всегда его дожидалась. Потому что папа мне рассказывал сказку на ночь. Папа был плохой рассказчик, да и сказок он не помнил. И он начинал рассказывать про свой рабочий день. Начинал так: «Жил-был гвоздик. Он жил в мастерской. Там было много всего интересного. Рубанки, стамески, отвертки, наждаки». Здесь шло перечисление столярного инструмента.

Гвоздик жил в коробочке. В одном из отсеков. Это была даже не коробочка, а деревянный ящик. В ящике, в отсеке побольше, жили самые крупные гвозди. В отсеке поменьше – средние. И в самом маленьком – мелкие, такие, как наш гвоздик. Гвоздик был новенький, если на него падало солнышко, то он весь сверкал от гордости. Потому что он красивый и блестящий. Однажды хозяина мастерской пригласили на какое-то строительство. Как обычно, он взял с собой инструмент и ящик с гвоздями.

Представляете, папа мне каждый день рассказывал, куда ходил гвоздик, где и во что его вбивали, какой он был замечательный помощник. То есть гвоздик был трудяга и работяга. И?

Только сейчас, пройдя транзактный анализ, я поняла. Моя сказка не дописана. У нее нет конца. То есть у моего жизненного сценария, по которому я существую до сих пор, нет окончания. А я ведь так и живу, как тот самый гвоздик, про который мне рассказывал папа.

Я дописала сказку.

Хозяин взял ящик с гвоздями и пошел на работу. Добравшись до места, он понял, что стройка эта особенная. Надо было возводить новый замок для наместника страны. А хозяина мастерской рекомендовал один из служащих наместника. Он делал у него мебель и остался очень доволен его работой. О нем он и рассказал своему хозяину. Потому сюда и пригласили мастера из маленького городка и совсем небольшой мастерской.

Наместник страны лично вышел навстречу мастеру.

– Да, слышал я про твое умение. Мол, творишь чудеса. Твои руки блестяще справляются как с простой плотницкой работой, так и со сложной, требующей высокого мастерства и очень хорошего вкуса. То есть у тебя есть то самое чутьё, которое дарует только Бог, и которое мы называем талантом.

Я позвал тебя, чтобы ты исправил огрехи предыдущих мастеров. Они напортачили. Видишь, угол у крыши моего основного строения уже покосился. Надо его исправить. Если за три дня ты справишься с этой работой, то я возьму тебя на должность главного градостроителя, ты ни в чем не будешь нуждаться и сможешь делать то, к чему у тебя лежит сердце. Касается ли это мебели или, может быть, ты захочешь изготавливать что-то другое. Я предоставлю для тебя все условия. Если согласен, то приступай. У тебя три дня срока.

Мастер согласился. Он тут же начал изучать кровлю нового строения. В чем дело? Почему она покосилась? Что произошло с конструкцией? Задумался мастер.

Он решил, что разберет всю кровлю и сделает так, как учил его дед. Будет сам изготавливать доски и крепить их по старинке на гвозди. Только выбирать размер гвоздиков и толщину досок он будет по структуре материала. То есть так, как когда-то учил его дедушка, извест-

ный мастер Семен. В его руках пела даже древесная стружка. Так хорошо он чувствовал душу дерева.

– Не буду я ничего придумывать! Буду делать, как учил меня дед, использовать все его секреты.

Мастер начал стругать доски, он их пилил, обтесывал, шлифовал, проверял на ровность поверхности, он слушал, что они ему говорят. Он был тоже отличным мастером, и он, как его дед, тоже чувствовал душу дерева. И оно отвечало ему взаимностью. Доски и части конструкции получались ровными, гладкими и светящимися на солнце. Два дня готовил мастер материал для будущей крыши. Он не спал, почти не ел. Он пел песни и работал, работал, работал.

Наступил третий день. Все части будущей крыши были готовы. Мастер начал собирать конструкцию. Сейчас было самое главное – прибивать ровно и точно, чтобы каждая доска входила на свое место без сучка и задоринки. Вот тут и пригодились гвозди из ящика мастера. Сначала он брал самые большие. Внутренние части он прибивал средними гвоздями. Дошел черед и до самых мелких гвоздей. На них была самая большая ответственность. Они держали всю основную конструкцию, причем делали это совсем незаметно. Потому что мастер их вбивал так ловко, что их даже невозможно было разглядеть. И вот последняя деталь. Завершая работу, мастер достал гвоздик, который ярко блестел на солнце и сказал: «А тебе, гвоздик, особая честь. Ты будешь держать подкову на счастье, которую я забью над главным входом в основное строение наместника страны. Здесь решаются судьбы людей. Поэтому пусть все, кто заходит сюда за советом, получают возможность начать новую жизнь, быть счастливыми и делать то, что им по душе. Как мы с тобой, гвоздик! Мы делаем то, что нам нравится, и дарим этим радость людям». И с этими словам мастер вбил гвоздик в стену и повесил подкову на счастье.

Крыша получилась просто замечательная. Мастер придумал, как сделать ее многоуровневой, чтобы, смотря на нее, у человека перед глазами была не унылая плоская картинка, а игра различных граней. И цвета для крыши он выбрал радостные и яркие. Наместник страны был в восторге от мастерства человека из маленького городка и крошечной мастерской. А подковой, что висела на входе, он даже восхитился, ведь это так добавляет доверия к нему и делу, которому он служит.

С тех пор старый мастер живет в доме у наместника страны. Он участвует в советах по градостроительству и готовит новую смену мастеров.

Каждое свое занятие он начинает с экскурсии по дому. Рассказывает, как и при помощи какой техники здесь все было построено. Но первое, что он говорит: «Посмотрите на эту подкову и на гвоздик, на котором она висит. Я желаю вам найти свое место в жизни, нужное и важное для всех. Чтобы от вас была польза. Как от этого крохотного гвоздика, что держит подкову на счастье. Станьте и вы такими же нужными и полезными».

И при этих словах гвоздик замирает от радости и счастья.

Он на своем месте. Он нужен людям!

Рубль

Денежки, деньги, деньжищи...

Вот последних многим особенно хочется. Только даются они не каждому.

Все. Казалось, что уже конец. Ну, не в полном смысле слова. Здоровье еще было, желание работать было, а вот мир думал по-другому. Есть ведь правила, которые придумал социум, по которым ему удобней всего жить. То есть равняться на молодых, стариков побыстрее до смерти доводить, а подрастающих быстрее готовить, чтобы использовать-использовать-использовать. Их энергию. А как станет убывать, то травить их алкоголем, депрессиями и синтетической едой.

Ух, какая-то безрадостная картина получилась.

Однако так есть. Социум любит молодых. А про старость и про опыт – это где-то, может, в Азии и осталось.

Ей казалось, что наступил конец. Она брела по осеннему городу. Брела, потому что даже на проезд денег не было. И мечтала: «Вот, если сейчас я найду рубль, то мне как раз хватит на проезд до дома. А то уже совсем сил нет».

Ветер задувал под края легкой курточки, кроссовки промокли, начинал накрапывать дождик. Идти еще было более четырех остановок.

Но женщина почему-то была уверена, что найдет недостающий рубль, хотя идти оставалось все меньше и меньше.

Так оно и случилось. У гостиницы River Park, прямо на проезжей части, там, где поворот с главной улицы к гостинице, в лужице лежал рубль. Тот самый, который она так хотела найти.

Если бы вы видели, с какой благодарностью она подняла эту денежку, как обтирала ее салфеткой, которая нечаянно оказалась в ее кармане, какие слова она шептала этому кусочку холодного металла, и главное, как засветились ее глаза, ведь ее желание сбылось.

То есть у нее все получится. И этот период – он временный. Он просто для чего-то нужен. Счастливая, она ускоренным шагом заторопилась домой. Нет, она не стала садиться в автобус. Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.